
К ПРЕДЫСТОРИИ ДРЕВНЕЙШИХ ЭТАПОВ КУЛЬТУРЫ АРМЕНИИ

А. А. МАРТИРОСЯН

В результате археологических работ последних двух десятилетий в Закавказье и, в частности, в Армении были открыты первоклассные памятники древности, давшие весьма ценный материал для выявления основных этапов развития истории культуры древней Армении и для установления некоторых закономерностей общественного развития. Однако далеко еще не все этапы первоначальной культуры Армении изучены достаточно полно. Одним из совершенно малоизученных и не обоснованных археологическим материалом этапов является древнейший период металлургии, не представленный пока более или менее яркими памятниками, дающими возможность осветить вопросы общественно-хозяйственного развития на данной стадии. Остаются неисследованными и неклассифицированными даже относящиеся к этому периоду вещественные памятники, происходящие из случайных откопок. Между тем изучение начального периода освоения металла представляет большой интерес не только в смысле развития материального производства в древней Армении и ее культурных связей с Месопотамией, откуда уже в III тысячелетии (до н. э.) поступали товары в области Малой Азии и Армянского нагорья¹, но и в деле установления значения культуры древней Армении и Закавказья в истории народов Кавказа, южно-русских степей и Северного Причерноморья.

Кроме того, очевидно также, что весь дальнейший прогресс последовательных периодов эпохи бронзы обуславливался первоначальным состоянием освоения металла, что стало возможным на базе крупнейших достижений энеолитической эпохи (конец IV и первая пол. III тыс. до н. э.) в области скотоводства и земледелия, в благоприятных естественно-природных условиях, при наличии тесной культурной взаимосвязи с передовыми областями древневосточной цивилизации. Раскопки замечательных энеолитических памятников Армении дали первые образцы примитивных металлических изделий, изготовленных путем холоднойковки меди и относимых, поэтому, к каменно-медному веку, т. е. к самому началу возникновения металлообработки. Однако, как показали раскопки Шенгавитского поселения, уже к концу энеолитической эпохи были до-

¹ B. Landsberger, *Assyrische Handelskolonien in Kleinasien aus dem dritten Jahrtausend*, Leipzig, 1925, стр. 21—25.

стигнуты значительные успехи в деле обработки металлов. Холодная ковка меди уступила место плавке и отливке ее в каменных или глиняных моделях. Этот колоссальный технический скачок ознаменовал начало развития настоящей металлургии.

Ни плавильных печей, ни других остатков металлообрабатывающего ремесла древнебронзовой эпохи в Армении до сих пор не обнаружено. Однако о существовании литейного дела здесь свидетельствует очень важная находка, сделанная в центральном раскопе верхнего слоя Шенгавитского поселения (работы 1936 г.).

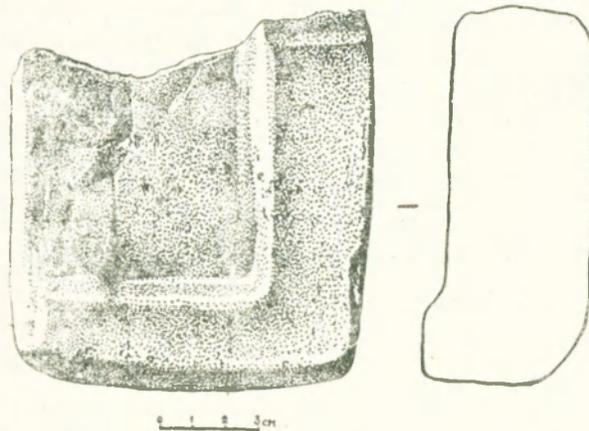

Рис. 1. Каменная формочка из Шенгавита.

Верхняя его часть отломана, а сделанное с внутренней стороны хорошо отполированное углубление имеет форму клиновидного топора, лезвие которого суживается у обушка. На верхнем правом углу находилось полукруглое углубление, каковое имеется на всех моделях, предназначенных для отливки разнообразных проушных топоров. Детальное изучение шенгавитской формочки показало, что она служила для отливки топора с клиновидной короткой лопастью и круглым обушком. К такому же выводу приводит морфологическое сопоставление описанной выше формочки с топориком Ленинаканского краеведческого музея, единственным пока экземпляром этого типа орудия в Армении (рис. 2). Он был передан Ленинаканскому музею в 1958 г. вместе с целой серией очень интересных бронз старым литейщиком А. Токмачяном, собиравшим металлический лом в Ленинакане и в окрестных селах еще в дореволю-

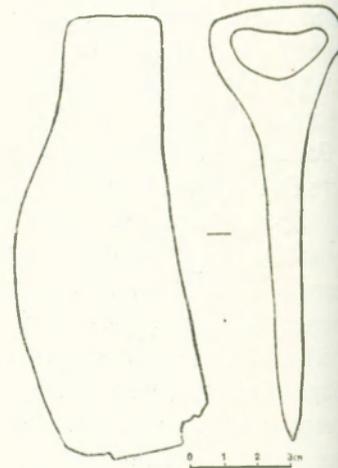

Рис. 2. Топорик из Ленинаканского музея.

¹ Б. Б. Пиотровский, Поселения медного века в Армении, СА, XI, 1949, стр. 172.

ционные годы и сохранившим лишь те предметы, которые казались ему древними или достойными внимания. К счастью, чуть его на сей раз не обмануло. Ленинанканский топорик имеет клиновидную короткую лопасть и откованное острие с обломанным правым кончиком. Широко на всем протяжении лезвие его суживается лишь у самого перехода к обушной части. Грани плечика узкого и сильно сплюснутого от ударов обушка сходятся под прямым углом, образуя еле заметное ребро, над которым имеется трещина. Совершенно ясно, что отверстие обушка имело первоначально не круглую или овальную форму, а напоминало скорее подтреугольный овал. На территории Армении наш топорик не имеет пока аналогов, если не считать очень близкий каменный просверленный топорик, случайно подобранный в окрестностях села Мети того же Ленинанканского района¹ (рис. 3). Два однотипных медных топорика происходят из окрестностей г. Сталинири (Картли) в Юго-Осетии².

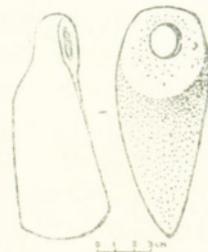

Рис. 3. Каменный топорик Ленинанканского района.

Поразительное сходство их с гипсовой отливкой, сделанной по литейной форме Шенгавита, говорит о том, что во всех трех случаях мы имеем дело с древнейшими изделиями закавказской металлургии. Один из сталинирских топоров происходит из сел. Ялбузы Арцезского района и совпадает с ленинанканским не только по внешнему оформлению, но и по несколько сплюсненной форме отверстия обушка³. Такое же отверстие имеет другой сталинирский топорик из района холма Кулбакеби, соответствующий ленинанканскому даже по размерам. Погребение, из которого, по мнению В. П. Любина, выпал этот топорик, не содержало больше никаких вещей, но находившиеся рядом гробницы дали очень яркую энеолитическую керамику с чернополированной поверхностью и розовой подкладкой, которая так характерна для энеолитических поселений Армении и Куро-Араксинского междуречья. Б. А. Куфтин также отмечал, что с ялбузским топориком связывается энеолитическая керамика, найденная в Згудрис-Гверда. В Кулбакебском могильнике кроме проушного топорика был найден также плоский треугольный книжальный клинок энеолитического облика с коротким черешком, очень близкий к книжалу из Ленинанканского могильника⁴ (раскопки 1934 г., рис. 4) и совершенно сходный с экземпляром музея Грузии, происходящим «Из Эриванской губернии», но приписанным почему-то Б. А. Куфтиным к Цхинвальскому кладу⁵. Формально-техническое

¹ В. Գ. Մյուսրաթյան, Աղբյուրների գործիքները հին Հայաստանում, ՀՊՀԿ Գիտությունների և գրականության Ինստիտուտ, Տեղեկագիր, գիրք 1, էջ 196—197, նի. 5, 1938:

² В. П. Любин, Археологическая разведка в окрестностях г. Сталинири. КСИИМК, вып. 60, стр. 14—16.

³ Б. А. Куфтин, Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию, Тбил., 1949, стр. 35.

⁴ А. А. Мартиросян, Древнее поселение около Ленинанкана, Изв. АН Арм. ССР, № 8, 1952.

⁵ Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, т. 1, стр. 19—20.

родство описанных или упомянутых выше комплексов глиняных и металлических изделий дает полное основание включить названные памятники Юго-Осетии в северную группу куро-араксинской энеолитической культуры, в которую Б. А. Куфтин объединял синхронные памятники, выя-

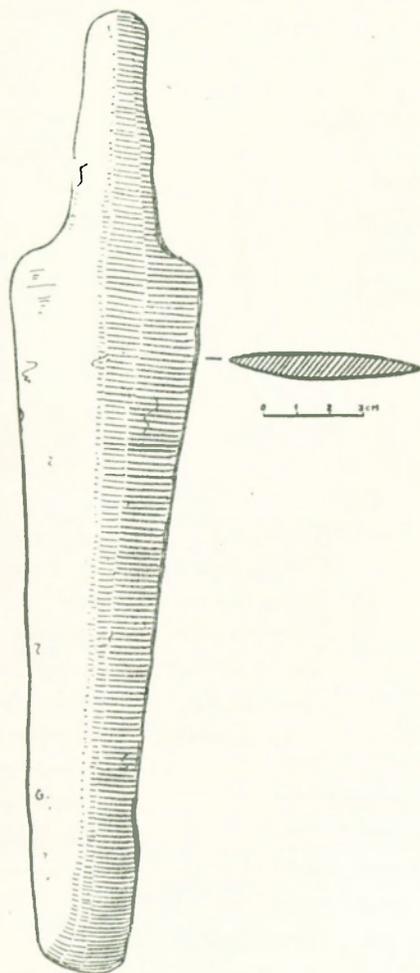

Рис. 4. Кинжальный клинок из Ленинакана.

ленные в бассейнах рек Храми (Триалети — Трехк армянских средневековых источников) и Квирили (Имеретия)¹, а В. П. Любин предположительно отнес к нему кулбакебский ранний памятник².

Остальные аналоги к рассмотренным выше позднеэнеолитическим памятникам не входят непосредственно в пределы куро-араксинской культуры, но привлечение их необходимо не только для установления времени бытования в Армении первых показателей древней металлургии — шенгавитской формочки, ленинаканского топорика и кинжальных клинков, но и для определения общих тенденций в развитии материального производства на Кавказе и в Передней Азии. Подобные аналоги могут быть разделены географически на две большие группы, расположенные к северу и югу от Закавказья. В первую группу входят медные топоры с проушиной, происходящие из кубанских курганов (большой Костромский курган у ст. Андрюковской и Псебайской), расположенных в бассейне рек Лабы и Белой и относящихся к концу III и началу II тысячелетия до н. э. по периодизации А. А. Иессена³. Являясь

более поздними по сравнению с рассмотренными выше закавказскими, кубанские топоры отличаются несколько более совершенной формой. А. А. Иессен указывает, что медные изделия из курганов Андрюковской, Махашевской и др. являются продуктами местного изготовления, хотя началу собственной металлообработки в этом районе предшествовало

¹ Б. А. Куфтин, Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию, стр. 75.

² В. П. Любин, ук. соч., стр. 21—22.

³ А. А. Иессен, Из истории древнейшей металлургии Кавказа, Изв. ГАИМК, вып. 120, 1935, гл. Первый этап.

проникновение готовых изделий с юга¹. Вторая группа проушных топоров, несколько опережающих закавказские, хронологически засвидетельствована на юге: в Сиалке III, в Сузах В и, косвенным образом, в Шумере Обейдской эпохи² (последняя четверть IV тысячелетия до н. э.).

Топоры с клиновидной лопастью, очень близкие к нашим, зафиксированы также в отдаленнейших областях Индии (Белуджистан, Шахитумп)³ и в районах минойской культуры, находившихся под влиянием древнего Шумера⁴. Необходимо сразу же отметить, что на древних стадиях развития человеческой культуры географическая среда имела большое значение. Находясь между Месопотамией и Северным Кавказом, Закавказье и, первым делом, Армения являлись проводниками поистине колоссальных достижений древневосточной цивилизации. Приведенный материал показывает некоторую взаимозависимость трех больших культурных областей с соответствующей хронологической последовательностью.

Развитие производительных сил, уровень материального производства в перечисленных областях, природные особенности и богатства являлись необходимыми условиями для широких культурно-хозяйственных связей. Не имея медных месторождений, шумерийцы пользовались медью из Омана, Малой Азии и Армянского нагорья. Рштунийские горы на побережье оз. Ван, богатые свинцом, медью, железом, были названы традиционно горами добывателей железа и свинца⁵, наподобие того, как малоазийские горы Тавра называются в ассирийских клинописных текстах «серебряными». Во II тысячелетии до н. э. среди областей древнего Востока по запасам меди отличался особенно Мусасир (в горах Джульамерка), выдвинувшийся на первое место в результате разработки своих месторождений и транзита. Свинцовые и оловянные копи имелись, вероятно, и в Шуприн (горы Сасуна), выдвинувшейся на первое место по запасам свинца⁶. Очевидно, что означенные районы Армении специализировались в добыче меди и в транзите очень долгое время, и транзитные пути ассирийцев были проторены еще жителями южной Месопотамии. При этом, долина Евфрата являлась основным связующим звеном между югом и Арменией. Все более увеличивающийся археологический материал ранних ступеней освоения металла в Армении и Закавказье неоспоримо свидетельствует об оживленных связях Месопотамии с Закавказьем. К числу показателей этого относятся находки медных предметов в ЗАГЭСе (Грузинская ССР) в 1928 г. Это топор с проушной, близко стоящий к типу топоров из Лениакана и кубанских курга-

¹ А. А. Иессен, Из истории древнейшей металлургии Кавказа, Изв. ГАИИМК, вып. 120, 1935, гл. Первый этап.

² Г. Чайлд, Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956, стр. 311.

³ Гордон Чайлд, ук. соч., стр. 311 и сл.

⁴ Там же.

⁵ Ф. Расчетин, Պատմութիւն հայոց, Վենետիկ, 1832, էջ 241.

⁶ Н. Б. Янковская, Некоторые вопросы экономики Ассирийской державы, ВДИ, № 1, 1956, стр. 28—40.

нов, а также найденное вместе с ним копьё с перьевидным наконечником. Б. А. Куфтин сопоставил загэсский топор с глиняными моделями из раскопок Ура и Джемдет Насра, отмечая, что проникновение этого типа на север могло происходить не позже появления в Месопотамии трубчатообушанных топоров, когда начинают исчезать примитивно-клиновидные топоры с проушиной¹.

Между однотипными топорами ЗАГЭСа и Ленинкана стоит проушный медный топор из сел. Брдазор (в 8 км от ст. Садахлу), расположенного в зоне интрузива алавердских руд. О. Джапаридзе отмечает, что упомянутый экземпляр принадлежит к более древнему варианту, чем загэсский². Сравнительное сопоставление топоров, обнаруженных в Армении и Грузии, показывает развитие определенного типа орудия на местной почве, хотя древнейшие прототипы его известны в культуре Шумера.

Несколько более примитивное копьё, типа найденного в ЗАГЭСе, хранится в Ленинканском краеведческом музее. Это очень длинное копьё (32,5 см) с коротким перьевидным наконечником, имеющим посередине еле заметное ребро. Длинный черень его состоит из массивного четырехгранного заостренного шипа для насадки на древко и суживающегося к основанию пера округлого стержня (рис. 5). Оно совершенно не отличается от копья, приобретенного в Тбилиси в 1904 году, и имеет очень близкие аналоги в находках из каменных ящиков Каркемыш³, в Вавилонии⁴ и в шумерских прототипах их из Ура⁵, конца IV и начала III тысячелетия до н. э.

Наиболее северные образцы этого типа наконечников копий происходят из дольменного кургана ст. Царской (ныне Новосвободная)⁶ и ст. Воздвиженской⁷, на Кубани, где они сопровождаются медными топорами рассмотренного выше типа. Таким образом, как топоры, так и наконечники копий закономерно находят свои аналоги к югу и северу от Закавказья. Однако для данной темы наибольший интерес представляют комплексы аналогичных изделий, обнаруженных на территории Грузинской ССР путем целенаправленных поисков, приведших к определенным результатам.

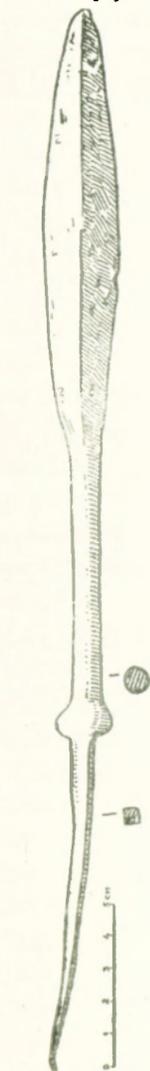

Рис. 5. Копьё Ленинканского музея.

¹ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, I, Тбилиси, 1941 стр. 10—13.

² О. Джапаридзе, Ранний этап древней металлургии в Грузии, стр. 103 Тбилиси, 1955 г. (на груз. языке).

³ D. G. Hogarth, King of the Hittites, London, 1921, стр. 25, рис. 26.

⁴ O. Montelius, Die Alteren Kulturperioden in Orient und in Europa, Stockholm, 1916—1923, II, стр. 171—172, рис. 66.

⁵ Christian, Altertumskunde des Zweistromlandes, Lpz., 1940, ч. I, табл. 207.

⁶ Н. И. Веселовский, Раскопки Н. И. Веселовского (Кубанская обл.) ОАК, за 1898 (1901), табл. IV, рис. 49.

⁷ А. А. Иессен, ук. соч.

Раскопками на холме Царцис Гора (Имеретия, Сачхерский район) был установлен тип грунтовых погребений со скорченными костяками и выявлен целый комплекс материалов в погребениях, в насыпи и под нею, дающих возможность подойти вплотную к датировке памятников исследуемого типа. В этом комплексе, наряду с копьём ленинаканского типа с перьевидным острием, оказались исключительно редкие для Закавказья и Передней Азии штыковидные наконечники копий¹, известные в единичных экземплярах в Каркемыше², Тепе-Гавра³, Уре и Ашуре⁴. При этом, в Каркемыше и в Царских гробницах Ура, откуда происходят древнейшие образцы этого типа оружия, штыковидные наконечники сопровождаются копьями того типа, которому принадлежат экземпляры Ленинакана и Сачхери. На двух, далеко не древнейших образцах переднеазиатских штыковидных копий, сохранились клинообразные надписи царей Аккадской династии. Копье из Ашура с именем сына Саргона Аккадского Маништусу (XXV в. до н. э.) и другое — с именем Пузур Шушинака, правителя Элама (XXII в. до н. э.)⁵. Датировка Сачхерского комплекса, определяемая Б. А. Куфтиным второй половиной III тысячелетия до н. э., (XXIV—XXII вв.), относится целиком к древней фазе бронзовой металлургии Закавказья, а следовательно и группе, немногочисленных пока, металлических изделий, хранящихся в музейных фондах Армении и обнаруживающих близкое родство с вещественными памятниками из Сачхери.

Из предметов, родственных сачхерским, заслуживает внимания копьё архаической формы (Гос. исторический музей Армении, инв. 1236/82), обнаруженное при раскопках Кироваканского могильника (1935 г.; рис. 6)⁶. Это своеобразное медное оружие, сходное, в целом, с примитивными образцами копий из Ура и Киша⁷, не имеет точных соответствий. По строению перьевидного острия со слабо выраженным ребром оно не отличается от образцов Шуруппака, Киша, Лагаша и Суз⁸, по отверстию же на конце черешка сильно приближается к экземплярам из Лагаша, Суз и Сачхери, но в отличие от всех известных, округлый стержень его вместо четырехгранного шиповидного окончания имеет уплощенный кончик с отверстием. Однотипное копьё из насыпи Царцис Гора и некоторые

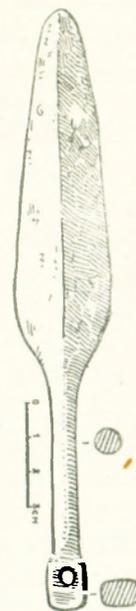

Рис. 6. Копье из раскопок Кироваканского могильника

¹ Б. А. Куфтин, Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию, Тбил., 1949, стр. 71—75.

² Christian, ук. соч., ч. I, табл. 324, рис. 5.

³ E. A. Speiser, Excavations at Tepe-Gawra, Philadelphia, 1935, т. I, табл. LXXXII, рис. 1.

⁴ Christian, ук. соч., ч. I, табл. 207.

⁵ Б. А. Куфтин, ук. соч., стр. 75.

⁶ Կ. Ղաֆադարյան, Պեղումները Կիրովականում:

⁷ Christian, ук. соч., табл. 206, рис. 2 и 5.

⁸ Там же, табл. 206, рис. 4 и 6, табл. 210, рис. 1.

другие предметы Сачхерского комплекса также отличаются некоторым своеобразием, что, по мнению Б. А. Куфтина, указывает на изменение форм в условиях местного производства начиная с эпохи Саргона Аккадского.

С первого взгляда несколько странными кажутся условия находки кироваканского копья, обнаруженного в погребении № 4 вместе с 9 глиняными чернолощенными сосудами, которые увязываются с хорошо известными образцами гончарного производства позднебронзовой эпохи. Однако архаический облик предмета, древние его аналоги, материал и техника изготовления, а также полное отсутствие черенковых наконечников копий в памятниках позднебронзовой поры, заставляют утверждать, что оно попало в погребение № 4 из разрушенной древней могилы, напоминающая, таким образом, историю погребений кобанской культуры, где архаические типы оружия ранних стадий встречены с инвентарями начала I тысячелетия до н. э. К сожалению, Лори-Памбакский очаг древней металлургии, включавший в себя некогда и памятники Кироваканского района, не подвергался пока серьезному исследованию, вследствие чего мы можем указывать лишь на некоторые мелкие группы глиняных сосудов из Кировакана, Лори-Берда и Алавердского района, которые в общем могут быть синхронизированы с рассмотренными выше металлическими изделиями и, что очень важно, с определенной группой архаических изделий из Месхети — Джавахети (Джавахи средневековых армянских источников), который, как и Триалети (ср. арм. Трехк), был тесно связан с северными районами Армении, путями, шедшими по рекам Ахурян и Дебед.

Разведочные работы, производимые в южных и юго-западных районах современной Грузии (Месхети — Джавахети) в последнее время дают уже конкретно-осязаемый материал по ранним культурным связям Армении и Грузии, определившим основное направление месопотамского экспорта и проникновения культуры более южных областей на Кавказ. Любопытно, например, что среди двух-трех древневосточных образцов металлических изделий Ахалцыхского музея оказалось наиболее архаичное на территории Грузии медное копье, которое, при общем сходстве с оружием этого типа из Сачхери и Сталинири¹, сильно приближается к вышеописанному экземпляру из Ленинакана.

Ряд других, несколько более архаичных, параллелей указывает на неслучайность такого совпадения. В каменном ящике у холма Амиранис-Гора (Ахалцых) наряду с фрагментами керамики был обнаружен горшок энеолитического облика с чернополированной поверхностью и ямками на горле, имеющий многочисленные соответствия в позднеэнеолитической керамике Армении (Гарни, Норадуз, Элар, Кировакан). При этом наиболее северным пунктом бытования этого рода керамики являет-

¹ Т. Н. Чубинишвили, Т. И. Татишвили, О. С. Гамбашидзе. Археологические разведки в южных районах Грузии в 1953—1955 гг. «Советская Археология», № 4, 1957, стр. 116—126.

ся Алавердский район Армянской ССР. Позднеэнеолитические миски из музея Вардзиа, формально близкие к крашеной керамике Тазакенда и Кизил-Ванка, также имеют свои аналогии в Кироваканском краеведческом музее. Эти факты, наряду с блестящими показателями культурной взаимосвязи в эпоху средней (Кировакан-Триалети) и поздней бронзы (колхидские топоры Армении), показывают, что пути проникновения переднеазиатской культуры на Кавказ нужно искать именно в пределах ареала древнебронзовых памятников на стыке северной Армении с южной Грузией.

Маленькая группа закавказских своеобразных медных топориков замечательно иллюстрирует эту мысль. Это так называемые топоры-клевец древневосточного типа. Такой топорик из красной меди поступил в Ленинаканский краеведческий музей в 1958 г. вместе с серией металлических изделий, переданных упомянутым выше литейщиком Токмачяном.

Круглое отверстие обушка и отсутствие признаков специальной обработки поверхности выдают архаичность этого довольно универсального инструмента (скорее оружия), комбинирующего в себе топор-мотыгу, с притупленной от сильных ударов мотыжной частью (рис. 7). Второй классический экземпляр неоднократно опубликованного¹ клевица был найден при строительстве клуба в Алаверди (1933 г.) и хранится в Государственном историческом музее АН Армянской ССР (рис. 8). Он имеет поразительные аналогии в ассирийских материалах Аккадской эпохи: в находках в Ашуре и в IV слое Тепе-Гавра², а также в изображении боевого клевица на стеле Нарамсина (XXII в. до н. э.)³, что дает основание датировать всю группу закавказских клевцов концом III тысячелетия до н. э.

Хранящийся в музее Грузии беспаспортный клевец, очень близкий к алавердскому по морфологическим данным, вероятно, также происходит

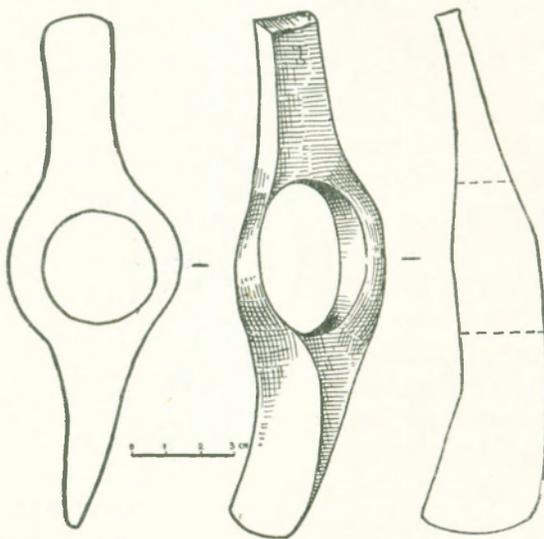

Рис. 7. Медный клевец Ленинаканского музея.

¹ *Б. წაქრისტიანი, Աշխատանքը զորժրքները... նկ. 87*, Б. А. Куфтин, О древнейших корнях грузинской культуры, Вестник Гос. муз. Грузии, XI—V, Тбилиси, 1944.

² Christian, ук. соч., ч. I, стр. 285—309, табл. 323—324.

³ O. Montelius, ук. соч., т. II, стр. 171—172, рис. 562.

из Армении, как одна из многих древностей Эриванской губернии, продававшихся в дореволюционное время на Тифлисском базаре.

К северу от Алаверди, на весьма незначительном расстоянии, в селе Пинезаури Дманисского района был обнаружен однотипный мед-

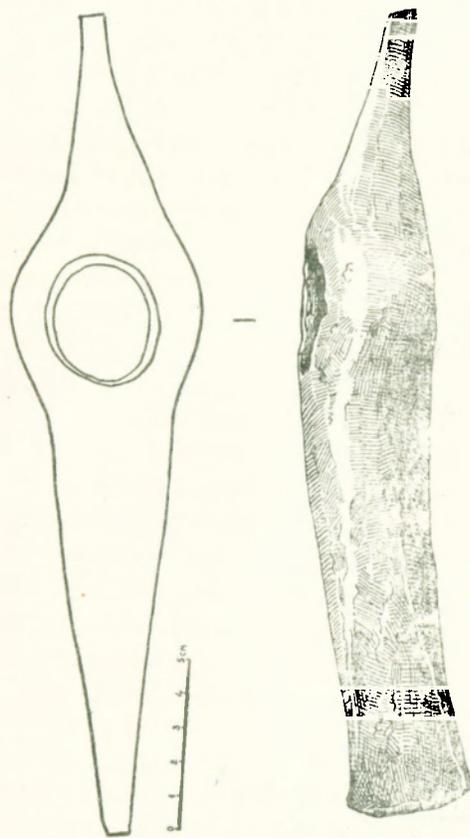

Рис. 8. Медный клевец из Алаверди.

ный клевец², также не отличающийся от алавердского. Таким образом, из числа всего нескольких клевцов древневосточного типа, известных в Закавказье, три или четыре происходят из пунктов, снабжавшихся в древности алавердской медью. Не означает ли это, что при дальнейших изысканиях алавердский медно-рудный очаг может быть определен в качестве производственного центра, распространявшего предметы указанного типа? К северо-востоку от Дманиси следующим пунктом находки топора-клевица является сел. «Ущелье Симонянов» Тианетского района Кахетин. Исследователи отмечают родство этого предмета с алавердским³.

Прослеживая географическое размещение закавказских клевцов с юга на север, можно легко заметить, что отрезок пути, на котором отмечены вышеупомянутые находки комбинированных инструментов алавердского типа, соответствует северному участку транзитной дороги, связывавшей издревле области Северной Ме-

сопотамии (через Сасун, Тарон, Карин, Карс) с Закавказьем (через отмеченные пункты) и Северным Кавказом. Ареал распространения этого типа оружия охватывает чрезвычайно широкие полосы востока и запада. Помимо упомянутых уже районов, они были встречены в III слое Тепе-Хиссара⁴, во II слое Хиссарлика⁵ в Тепе-Силаке и в Астерабаде, при раскопках в Мохенджодаро в Индии⁶ и Критских памятников среднеминойского периода. Эти сопоставления делают несомненной генеалогическую связь закавказских клевцов с древневосточными.

¹ О. Джапаридзе, ук соч.

² Там же, табл. XIV, рис. 10.

³ Б. А. Куфтин, ук соч.

⁴ Schmidt. Tepe-Hissar, II, 1931, стр. 400.

⁵ Его же. Excavations of Tepe-Hissar, стр. 205, рис. 120.

⁶ Маккей. Древняя культура долины Инда, М., 1951, стр. 91, табл. 22, также Чайлд, У истоков европейской цивилизации, стр. 56, рис. 11 з.

На территории Европы близкие варианты однотипных комбинированных инструментов встречены в Венгрии¹, Болгарии², Чехословакии, Румынии³, Галиции⁴ и в других местах. Из восточноевропейских аналогий заслуживает упоминания медный клевец из Киевщины (сел. Веремье)⁵, наиболее близкий к закавказским территориально и морфологически. Т. С. Пассек относит его к усатовскому этапу поздне трипольской культуры (начало или середина II тысячелетия)⁶, а Б. А. Куфтин — к собственно трипольской культуре. На Северном Кавказе известен лишь один экземпляр этого типа оружия. Происходит он из Майкопского богатого кургана, в комплексе которого отмечены привезенные с юга металлические изделия⁷.

Таким образом, основная масса комбинированных инструментов рассматриваемого типа падает на области Древнего Востока или связанные с ним области, Закавказья и Подунавья. К северу от Закавказья на территории СССР известны лишь две находки таковых. Но поскольку в Закавказье известны оба типа древнeshумерийских топоров — с мотыгообразной и топовидной рабочей частью, а в Европе один из них совершенно отсутствует, Куфтин счел возможным предполагать, что медные клевцы попали в Закавказье с юга и оттуда проникли в области восточной Европы. Заканчивая обзор наиболее ранней группы металлических изделий древнебронзового периода, мы должны отметить, с сожалением, что рассмотренные изделия не подвергнуты пока химико-металлографическому анализу.

Результаты анализов соответствующей группы металлических предметов Музея Грузии могут, в какой-то мере, возместить этот пробел, поскольку в раннюю пору металлообработки не наблюдается еще преднамеренно-сознательной присадки олова, сурьмы и других элементов и содержание меди меняется в зависимости от естественных примесей, имеющих в руде того или иного месторождения меди. Интересно, например, что рассмотренные выше топоры-клевцы (Тианети, Дманиси) и проушной топор ЗАГЭС-а, не отличающийся от известных в Ленинанкане и Алаверди, по своему химическому составу схожи с предметами из Абхазии и Сачхери и сделаны из мышьяковистой меди⁸. Исследователи полагают, однако, что к концу древнебронзового периода местное население знакомится тоже с сурьмой и выделяет сурьяно-мышьяковистую медь, отличающуюся прочностью и серебристым блеском. Судя по внешним признакам,

¹ Г. Чайлд, ук. соч., рис. 53.

² Reallexikon, стр. 206, табл. 99.

³ Богаевский, История техники, 1936, т. 1, стр. 314, рис. 219, стр. 218.

⁴ Усаров, Сборник мелких трудов, М., т. II, 1910, стр. 50, табл. 23.

⁵ Б. и В. Ханенко, Древности Приднепровья, вып. 1, Киев, 1902.

⁶ Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений, МАИ СССР, 10, М.- Л., 1949, стр. 213.

⁷ А. А. Иессен, Из истории древнейшей металлургии Кавказа, Изв. ГАИМК, вып. 120, 1935, раздел „I этап“.

⁸ Ц. Абесадзе, Р. Бахтадзе, Т. Двали, О. Джапаридзе, К истории меднобронзовой металлургии в Грузии (на груз. яз.), Тбилиси, 1958, стр. 96—98.

к этой категории вещей принадлежат некоторые из висло-трубчатообушных топоров Армении и те из сачхерских, в которых содержание сурьмы доходит до 2,6%.

В будущем это предположение может подтвердиться на основе массового анализа висло-трубчатообушных топоров, явившихся дальнейшим развитием клиновидных топоров с проушиной, каменные прототипы которых выявлены уже неоднократно. Культура этих топоров определяет новую, более развитую ступень бронзового производства с применением литья с утериваемой восковой моделью и орнаментацией. Как показывает археологический материал висло-трубчатообушные топоры получили широкое распространение после исчезновения клиновидных топоров и продолжали бытовать в Закавказье и в начале II тысячелетия, хотя наиболее ранние их образцы были встречены в комплексах вещей II половины и конца III тыс. до н. э.

Группа висло-трубчатообушных топоров Армении не связывается пока с материалом из древних поселений, вероятно, однако, что они будут относиться ко времени поселений эларского типа и несколько более поздних могильников с расписной керамикой (Тазакент, Кармир-Ванк), вос-

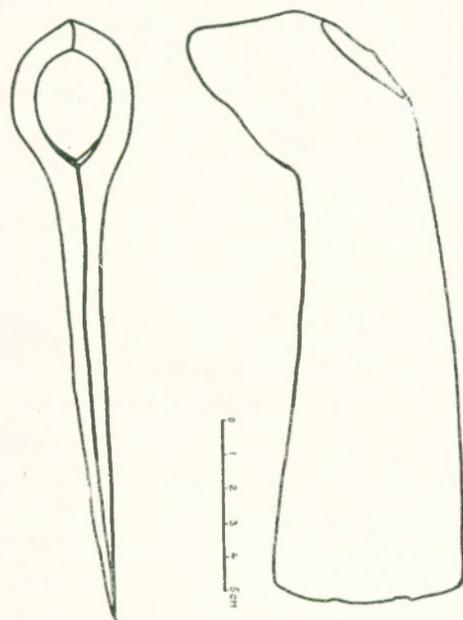

Рис. 9. Вислообушный топор Гос. Музея Армении.

ходя в начальных своих формах к периоду существования позднеэнеолитических поселений, синхронных с верхним слоем Шенгавита. Наиболее архаичным предметом этой группы является вислообушный топор с овальным отверстием и отвисающей, почти прямой лопастью (Гос. ист. музей АН АрмССР, инв. 75), обнаруженный случайно на Араратской равнине и хранившийся долгое время в Эчмиадзинском музее (рис. 9). По формальным данным он приближается к исходному типу клиновидных проушных топоров Лениакана, Ялбузи и Кулбакеби, но имеет уже иное строение обушка и удлиненное лезвие. Различны также размеры и пропорции его (дл. 17,5 см, при дл. обушка 4,5 см, и ширина лезвия 4,5 см). Вполне возможно, что топоры

эчмиадзинского типа сопровождалась в погребениях черешковыми подтреугольными клинками со слабой нервюрой или без нее, каковые известны из Эчмиадзинского района и хранятся в Гос. историческом музее Армении под № 712 (рис. 10).

Топоры и клинки эчмиадзинского типа были выявлены в комплексе вещей Эшерских дольменов, исследованных в 30-х годах в поселке Кюрдере, в 20 км к СЗ от Сухуми на участке крестьянина Карапета Акопяна

и на смежных с ним участках¹. При абсолютном типологическом тождестве с эчмиадзинскими, топоры и клинки эшерских дольменов соответствовали им даже по размерам. Длина топора из IV дольмена Кюр-дере составляет 18 см, при шир. лезвия 4,5 см. Наибольший клинок этого же дольмена имеет в дл. 20 см, стержень 5,5 и шир. 6 : эчмиадзинский первый клинок соответственно 18,5—3,5 и 3,5; второй клинок — 15 см, наибольшая шир. 4,5 см и черенок 2,5 см. Среднего размера клинок 4-го дольмена — дл. 13,5, шир.—6 см.

Дополнительные работы Б. А. Куфтина по изучению абхазских дольменов показали, что их древний погребальный комплекс, с тонковислообушными топорами с листовидными кинжалчиками, отделен стерильным слоем от захоронений раннего этапа поздней бронзы². Это наблюдение имело большое значение для классификации соответствующих групп северокавказских бронз, генетически связанных с южнокавказскими.

Целая серия тонковислообушных топоров, вполне соответствующих описанному, была найдена в свое время в Северной Осетии (два — из Фаска и Корца, один из Кобани и один — из коллекции К. И. Ольшевского)³. Два топора, не совсем аналогичных, но очень близких к вышеупомянутым, происходят из двух Кубанских дольменных курганов на р. Фарсе (ст. ст. Абадзехская и Царская), а наиболее северная находка этого типа, по сообщению Б. А. Куфтина⁴, засвидетельствована в коллекции Зайсуловича, как происходящая из «Восточной России». Насколько нам известно, ни к югу, ни к северу от отмеченных пунктов не встречены более вислообушные топоры описанного характера, что указывает, по-видимому, на особый кавказский тип вислообушных тонколезвийных топоров. С маленькой оговоркой в эту группу можно включить несколько более развитой вислообушный топор из Царцис-Гора⁵, в районе верхней долины Квирли, сопровождающийся здесь серией трубчатобушных топоров, различные варианты которых были широко распространены в древности от южной Месопотамии, Кавказа, Средней Азии и Северного Причерноморья до придунайских стран.

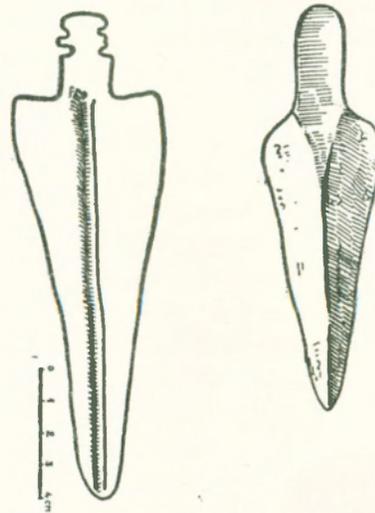

Рис. 10. Клинки из бывш. Эчмиадзинского музея.

¹ М. М. Иващенко, Исследование архаических памятников матеральной культуры Абхазии, Тифлис, 1935, стр. 15 и сл.

² Б. А. Куфтин, К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры...

³ Е. И. Крупнов, Материалы по археологии Сев. Осетии докобанского периода, МАИ СССР, № 23, М.—Л., 1951, стр. 38—39.

⁴ Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, 1, 1949, Тбилиси, стр. 284.

⁵ Б. А. Куфтин, Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г., табл. LVI.

Из трех обнаруженных в Армении топоров этого типа (Карс, Леникан, Севан, рис. 11)¹, лишь один происходит из курганного погребения (диам. 60 м, выс. 3 м) «Джодж-Колон», расположенного между сел. Мартуни и Адиаман, в километре от юго-западного побережья оз. Севан². Ни Е. Лалаян, исследовавший это погребение, ни другие археологи, описавшие его, не заметили, что Мартунинский курган содержал два каменных ящика в последовательно вертикальном расположении. К сожалению, курган этот так и остался недораскопанным, а в узкой траншее, проведенной по его диаметру (с З на В), не оказалось возможным полностью обследовать названные погребения. Были затронуты лишь каменные плиты перекрытия, оставшегося в стороне верхнего погребения на глубине 3 м от дневной поверхности, а глубже, на расстоянии одного метра, были вскрыты плиты сводчатого перекрытия нижнего погребения, удовлетворительного описания которого у Лалаяна также нет. На глубине 1,3 м от свода оказался лежавший на спине скелет с двумя разбитыми горшками и бусинами, с трубчатообушным топориком под левой рукой (рис. 12).

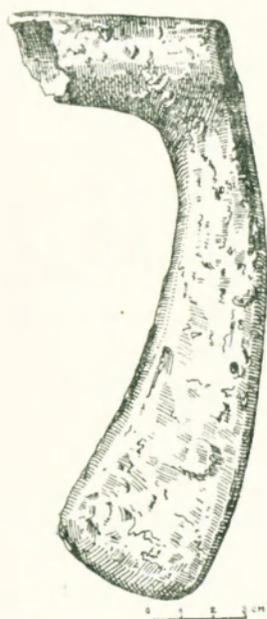

Рис. 11. Трубчатообушный топорик из Лениканского района.

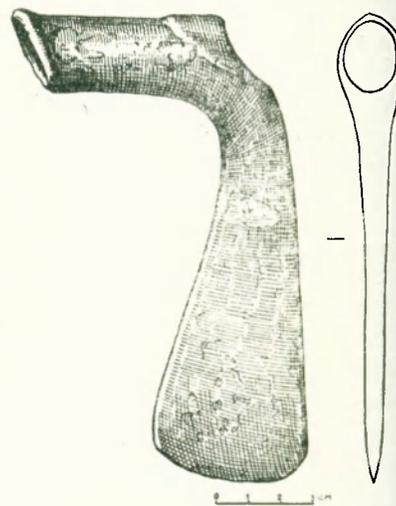

Рис. 12. Трубчатообушный топорик из раскопок Е. Лалаяна.

Отсутствие документации и описания керамики лишает нас возможности увязки погребального комплекса с материалом из поселений и более поздних погребальных памятников. Остается несомненным лишь то, что погребение нижнего горизонта с топором относится к более раннему периоду по сравнению с верхним. Как топор из описанного погребения, так и

¹ Как нам любезно сообщил Т. Н. Чубинишвили, в одном из музеев Грузии хранится этого типа топор, происходящий из Сурмалинского уезда.

² В. Լալայան, Գաղթանների պեղումները Սորտղաշի՛ն հայաստանում, Երևան, 1931, էջ 101, 171, նկ. 135:

случайно обнаруженные в Ленинкакане и Карсе принадлежат к типу боевых топоров наиболее древнего варианта с длинной трубкой и незначительно изогнутым узким лезвием. Втулка имеет круглое отверстие, а приспособленное для удара лезвие заточено в направлении, горизонтальном древку. Отличаясь от парадных форм сачхерских серповидно-изогнутых узколезвийных топоров с косозаточенным острием, тяготеющим к луристанским образцам, трубчатообушные топоры Армении примыкают к Шумерским прототипам (рубеж IV и III тысячелетия до н. э.) и эламским образцам этого рода оружия (Киш, Ур¹, Лагаш², Тепе Али-Абад³, Тепе-Хазинах) и хронологически приближаются к однотипным аналогам Северной Месопотамии, известным по изобразительным памятникам⁴ и раскопному материалу середины III тысячелетия. В свете этих сопоставлений необоснованным представляется предположение Е. Байбуртяна об импортировании на Кавказ боевых топоров с пределов распространения срубной или фатьяновской культуры Центральной России⁵, где таковые образовали собственный очаг развития с особым вариантом вислотрубчатообушных топоров. Это ошибочное предположение перекликается объективно с опровергнутой уже расистской теорией Г. Вильке, стронившего миграцию придунайского народа-металлурга в пределы Кавказа на суммарном и случайно подобранном материале⁶. Наоборот, полное отсутствие вислотрубчатых топоров в Малой Азии и на Балканах⁷ указывает на кавказский путь проникновения в Придунавье боевых топоров упомянутого типа, как это правильно заметил Б. А. Куфтин. Это направление определялось существованием обширной торговой сети, охватывавшей весь Древний Восток от Тигра до Инда, от Окса и Евфрата до Нила⁸.

Армения, связанная с этой грандиозной сетью приевфратскими путями, являлась одной из основных областей, обеспечивающих культурно-хозяйственные взаимосвязи между Востоком и Западом. К сожалению Кизил-Банк — важный форпост переднеазиатской культуры в Закавказье, и некоторые близкие к нему памятники стоят до сих пор особняком, а раскопки их, лишенные даже элементарной документации, не дают прочной основы для увязки их материалов как с датированными памятниками Армении и Закавказья, так и с многочисленными памятниками Передней Азии. Однако мы не имеем основания игнорировать близостью некоторых групп металлических и глиняных изделий Кизил-Банка, Тазакенда, Нор-Баязета и вещественных памятников из раскопок Тепе-Гавра, Сузы и пр.,

¹ Г. Чайлд, Древнейший Восток в свете новых раскопок, рис. 89.

² О. Montelius, Die Älteren Kulturperioden, II, стр. 203, рис. 631.

³ Там же, рис. 922, а также Куфтин, К вопросу о древнейших корнях, рис. 2; Г. Чайлд, Древнейший Восток..., рис. 83.

⁴ О. Montelius, ук. соч., рис. 563.

⁵ Е. Байбуртян, ук. соч., стр. 210—212.

⁶ Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, стр. 295—296.

⁷ В. А. Городцов, Культура бронзовой эпохи в средней России, М., 1916, стр. 27—29.

⁸ Г. Чайлд, ук. соч., стр. 238—240.

соответствующие слои которых приближаются хронологически к памятникам Армении позднеэнеолитической и древнебронзовой поры.

Интересно, например, что роспись округло-вздутых мисок из XIII—XVI слоев Тепе-Гавра¹, покрывавшая поверхность сосуда широким фризом, заполненным фигурами сходящихся треугольников, шахматным волнистым узором, косой сеткой и углышками², совпадает с орнаментацией однотипных мисок и горшков из раскопок Чарковского и Реслера в Тазакенде³ и вполне соответствует мотивам росписи формально отличных бихромных сосудов Кизил-Ванка⁴.

Более широкие параллели были отмечены С. Пржеворским⁵, Б. Куфтиным⁶ и др. исследователями среди энеолитических образцов керамики Элама. К ним можно добавить поразительное сходство фигур на фрагментах расписных сосудов из Суз⁷ и на Кармирванкском бихромном горшке, переданных в манере магического танца или заклинания⁸. Б. А. Куфтин заметил, однако, что в отличие от энеолитических образцов Месопотамии и Ирана расписные сосуды типа Кизил-Калы носят под фризом ряд спиральных завитков, встречающихся в малоазийской керамике III слоя Алишарского холма на сосудах совершенно иных форм, что заставило признать самостоятельность данной стадии закавказского гончарного производства, возникшего на стыке месопотамского и западного кругов, не позднее исчезновения означенных образцов с территории Ирана и Месопотамии, где эта традиция удерживалась даже в период первых аккадских царей.

О совершенно самостоятельной фазе развития материнской культуры в конце древнебронзового этапа и в начале средней бронзы говорят также находки некоторых металлических предметов, из которых особого внимания заслуживают секировидные боевые топоры своеобразной формы (рис. 13). Они изготовлены из красной меди, без дополнительной обработки поверхности, имеют опущенный обушок с овальным отверстием, выдвинутое вперед, несколько изогнутое кверху шестигранное тулово и расширяющееся лезвие. Два топора этого типа обнаружены у животноводческой фермы сел. Павур Шамшадинского района, на подножье горы Мхурц. При одинаковой высоте один из шамшадинских топоров от-

¹ A. Tobler, Excavations at Tepe-Gawra, vol. II, Pennsylvania, 1950, табл. CXXVI.

² Там же, табл. CXXVII, рис. 195—169, 172—175.

³ Керамику из Тазакенда см. в фондах Исторического музея Москвы, инв. № 43941.

⁴ А. А. Спицын, ук. соч., рис. 47—50, 54—55, 58, 60—63.

⁵ St. Przeworski, Das problem der Vorderasiatischen Einflüsse in der Fatjanowo-kultur Central-Ruslands, Sviatowit, XV, 1933, стр. 24—60.

⁶ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, т. 1, 1941, стр. 5—10.

⁷ J. de Margan, La prehistoire orientale, t. III, Paris, 1927, стр. 77—78, рис. 116—118.

⁸ А. А. Спицын, Некоторые закавказские могильники, Известия Имп. арх. комиссии, вып. 29, рис. 48.

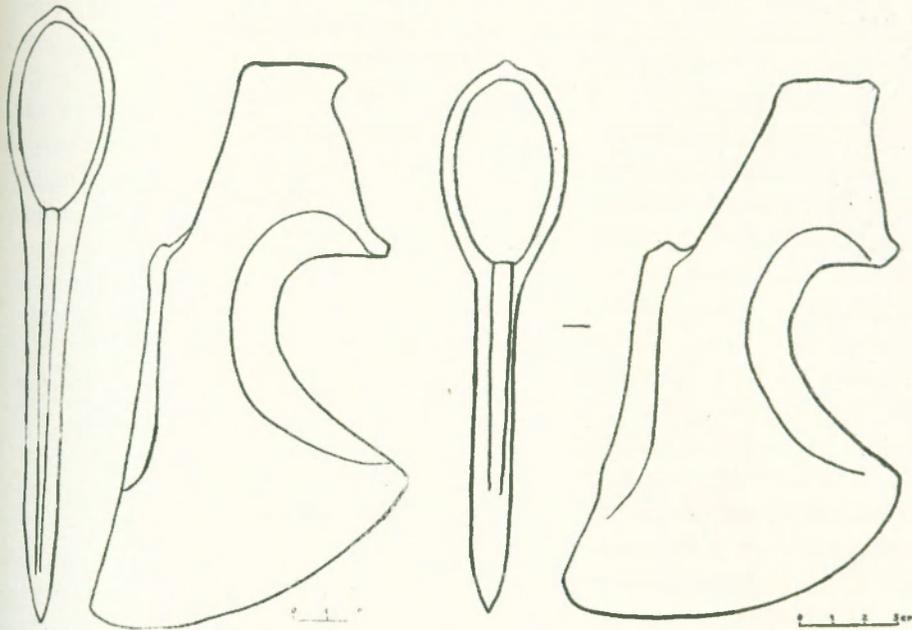

Рис. 13. Два топора Шамшадинского района.

личается более широким туловом и выгнутостью переднего фаса обушка. Нет сомнения, что они отливались в разных формах. В отличие от рассмотренных выше металлических предметов, шамшадинские топоры находят единственную аналогию в «парадной секире» Тбилиси, обнаруженной во время строительства II кирпичного завода в Грма-Геле¹. Размеры, несколько завершенная форма и кружковый орнамент на обушке этой секиры указывают на наличие третьей модели в Закавказье для отливки однотипных предметов. На юге такие топоры не были встречены и параллели, проводимые Куфтиным с касситским топором Лувра и бронзовым топором из VI слоя Тепе-Гавра, как увидим ниже, не могут считаться убедительными. Более приемлемо утверждение Б. А. Куфтина о генетической связи их с топорами начала позднебронзовой эпохи (Шленкова, Гагра, Махунцети), имеющими шестигранное тулово. Это ранние прототипы колхидо-кобанских топоров, распространенные от Карсской области на юге до Черноморского побережья Западной Грузии. Нам кажется, однако, что шамшадинские топоры являлись общим прототипом как для исходных форм колхидо-кобанских топоров, так и для боевых секир типа кироваканского кургана среднебронзовой эпохи, с которым связываются непосредственно по строению обуха, тулова, лезвия.

Таким образом, устанавливаемый на основе анализа вещественных памятников длительный процесс развития древнебронзового производства в Армении, связанного с Месопотамией и менее тесно с Средиземно-

¹ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, стр. 7--19, а также А. А. Иессен, Прикубанский очаг металлургии и металлообработки, МАИ СССР, 23, 1951, М—Л., стр. 81, рис. 3—4.

морьем, протекает по пути постепенного складывания специфически местных элементов и завершается появлением новых форм, необычных для культуры Древнего Востока.

Глубокие корни памятников интересующего нас этапа уходят в южномесопотамскую почву, но связываются непосредственно с культурой Верхней Месопотамии, через хурри-субарийскую и митаннийскую среду, где мы находим убедительные параллели к закавказским памятникам материального производства, начиная с середины III тысячелетия и кончая первой половиной II тысячелетия до н. э. Данные анализа археологического материала вполне соответствуют сообщениям письменных источников древневосточных архивов. Хурритское население государства Субарту, включавшего в себя территорию Северной Месопотамии от Нагорного Загра до Евфрата, находилось в постоянном контакте с центрами древнего Шумера, раскопки которых дали почти все основные типы предметов вооружения и орудий труда, распространившихся позже на Кавказе. В текстах III династии Ура (2118—2007) упоминаются люди из Субарту с явно хурритскими именами. Цари Аккадской династии, в частности Нарамсин (XXIII в. до н. э.), говорят о завоевании страны Субару, древнейшие сведения о которой сохранили надписи правителя г. Лагаша Эаннатумы (XXVI в. до н. э.) и самые древние месопотамские тексты из Фара. По мнению Г. А. Меликишвили, в начале II тысячелетия крупнейшие политические образования хурритских племен, царства Митанни и Хурри находились в Верхней Месопотамии и в районе Ванского озера, а усилившийся хурритский элемент распространился на весьма широкой территории от Иранского Курдистана (Керкук, древний город Нузи), на востоке, до восточных областей Малой Азии (включая Верхнюю Месопотамию и район оз. Ван) и дальше на юг в Сирии и Палестине. Около 1700 г. определенный состав хурритов оказался также в Египте среди завоевавших его гиксосов¹.

Очевидно, что проводником культурно-экономических достижений стран Передней Азии явилось в период начального развития культуры бронзового века широко распространившееся хурритское население, частью которого являлись также племена Армянского нагорья, связывавшие с древневосточной цивилизацией весь Кавказ, южнорусские степи и Северное Причерноморье.

¹ Г. А. Меликишвили, *Наири — Урарту*, Тбилиси, 1954, стр. 93 — 104

**ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՄՇԱԿՈՒՅԹԻ ՀՆԱԳՈՒՅՆ ՇՐՋԱՆՆԵՐԻ
ՆԱԽԱՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ՇՈՒՐՋԸ**

Հ. Ա. ԽԱՐՏԻՐՈՍՅԱՆ

(Ա մ ֆ ո ֆ ու մ)

Նախնադարյան տոհմա-ցեղային հասարակության պատմության ու մշակույթի ուսումնասիրման բնագավառում սովետահայ հնագիտությունը հասել է երևելի արդյունքների: Սակայն նշված բնագավառը ընդգրկում է դեռևս գիտական հետաքրքրություն ներկայացնող՝ չուսումնասիրված կամ մանրագին ուսումնասիրության կարոտ բազմաթիվ ինդիքներ, որոնց պարզաբանումը կարևոր նշանակություն ունի ոչ միայն Հայաստանի և Կովկասի, այլև հարավ-ուստական մարզերի հնագիտության համար: Սույն հոդվածում առաջադրված է այդպիսի հարցերից միայն մեկը:

Հենվելով հին Արևելքի հնագիտական առաջնակարգ հուշարձանների ուսումնասիրման արդյունքների վրա, հեղինակը փորձել է դասակարգել, թվագրել ու բնութագրել հնագույն բրոնզի էպոխայի (XX—XVII դդ. մ. թ. ա.) նյութական մշակույթի՝ մասամբ պեղածո, մասամբ էլ պատահականորեն հայտնաբերված իրեղեն հուշարձանները, որոնք բազմիցս պատահական ու թյուր պիտոլությունների առիթ են տվել:

Անդրադառնալով այդ նյութերի քննարկմանը հեղինակը ցույց է տվել, որ հնագույն բրոնզի ժամանակաշրջանի նյութական հուշարձաններն իրենց արմատներով հասնում են մինչև Հարավային Միջագետք, սակայն խորրիստության միջավայրը կապում է նրանց անմիջականորեն Հյուսիսային Միջագետքի սինխրոնիկ կամ փոքր-ինչ ավելի վաղ ժամանակաշրջանի հուշարձանների հետ: Մտնելով հին արևելյան մշակույթի պերիֆերիկ շրջանների մեջ, մետաղի դարաշրջանը թևակոխած Հայաստանը՝ նյութական կուլտուրայի իր հուշարձաններով հանդերձ ներկայացնում է իրենից կուլտուրական ինքնուրույն և լուկալ մի օջախ, ուր համեմատաբար բարձր զարգացման էին հասել երկրագործությունը, անասնապահությունն ու մետաղամշակությունը:

Մետաղամշակության արգասիքների բազմաթիվ զուգահեռները Արևելյան և Արևմտյան Վրաստանի, Ադրբեջանի, Հյուսիսային Կովկասի, Հարավային Ռուսաստանի հնագիտական հուշարձաններում, ակնհայտ են դարձնում Հայաստանի առաջատար դերը հնագույն քաղաքակրթության և կուլտուր-տնտեսական նորանոր հասույթների տարածման ասպարեզում: